

Валерий Дашкевич

Родился 28 апреля 1964 года в Актюбинской области. Учился в Омском филиале АГИК. Работал журналистом, режиссером на телевидении, в книжном издательстве. Участвовал в литературной жизни Омска, Барнаула, Тобольска. С 1993 года жил в США, но связи с Россией не терял. Стихи и проза публиковались в журнале «Дружба народов», альманахах «Встречи» (США) и «Побережье» (США), «Антология русской поэзии Новой Англии» (США), в коллективных сборниках «Складчина» (Омск) и др. Автор трех книг стихотворений: «Ангел сумерек», «Сизый ворох Сизифа», «Жить». Живет и работает в Барнауле.

А накануне Третьей мировой
Ты занята вечерним макияжем,
А я в делах привычных — с головой.
Мы были здесь, нам это не впервой...
И час придёт. И мы привычно ляжем.
И простыни привычно изомнём.
Тела блаженно вымоем под душем...
Нам хорошо с тобою день за днём
Не вспоминать о прошлом и грядущем.
Чтоб кофе растекался по нутру
И в чистом доме зеркало лучилось.
И мусорщик приедет поутру
По расписанью — что бы ни случилось.

За то, что я сбежать назад
не смог из кабалы,
За то, что в утренних глазах
Остатки ночной мглы,
За то, что хрупкий карандаш
До сердца не дошёл,
Я знаю — ты меня предашь,
Но предан всей душой.

За то, что наш сюжет не нов —
Его поймёт любой...
За то, что мне не нужно слов,
Чтоб говорить с тобой.
За то, что не питал надежд —
Была, прогнал и ту...
Я знаю, ты меня не ждёшь,
Но я к тебе иду.

За то, что я пою без нот,
За то, что я не шустр,
Весна словами захлестнёт,
И я не отдышусь.
И сердце съёжится, как ёж,
За клеткою грудной...
Я знаю, ты меня убьёшь,
Но ты всегда со мной.

Боже, паси своё стадо...
Надо — удар нанеси,
Но от забвенья — не надо,
Боже — меня упаси...

Я ли стою одинокий
С мятой молитвой в руке.
Дай мне бессрочные строки,
Чтоб не забыть вдалеке.

Дай мне бесстрочные сроки,
Скулы сведи немотой...
Ты справедливый и строгий.
Я — бесконечно пустой.

Боль обнажённого нерва,
Страсти печальная быть...
Помню все родинки неба.
Все, что под небом — забыл.

Дай мне свободы немного,
К небу прижаться вели,
Пусть — возносясь от земного,
Пусть — упадая с земли...

...и песней колыбельной
позёмка за стеной.
Когда меня любили,
Я был совсем иной.

И мачтой корабельной
Торшер над головой...
Когда меня убили,
Я был ещё живой.

Ни капли по сусекам,
Ни взмаха за кормой.
И пьяная соседка
Звала кота домой.

И всё, что сердце грело,
Пытало и звало,
Наутро снегом белым
По горло занесло.

Зарычу, зарываясь в логово.
Залечу презреньем молву.
Мне от смерти не надо много —
как-нибудь и сам доживу
до того пожилого сумрака,
до того кривого листка,
где — честна, как любая судорога, —
не отпустит меня строка.

Не проклинай, когда тебя разлюбят!
Пойми, дурак, —
Взаимозаменяемые люди
Поборют рак!

Твою судьбу направят непременно
На благо масс.
Взаимозаменяемые мэны
Освоят Марс!

Тебя заменят глебом, джоном, шоном —
Всё по уму.
— А как же я... — ты пискнешь приглушенно... —
Куда? Кому?!

Вкусив удел забытых и гонимых
До тошноты,
И вправду, нет людей незаменимых —
Усвоишь ты.

А жизнь течёт. Гудят водопроводы.
Блестит улов.
И складывают новые кроссворды
Из старых слов.

И камень взгромождается на камень.
И быт, и срам...
И с Марса машут яблони платками —
Чужим мирам.

Ладил крест, а вышел — ять...
Вмиг с обманом не простишься.
Скучно девушек влюблять
С одного четверостишья.

Скучно губы целовать
Ненасытные — устами.
Скучно, скучно забывать —
Чьи слова словами стали...

Тот, кто ведал — мой черёд, —
Мне уже не выдаст форы.
Модной обувью вперёд,
Наплевав на светофоры,
По асфальтовой реке
Поплыву за дальним светом...

Кто заплачет вдалеке?
Кто пойдёт за мною следом?..
Что оставлю впопыхах
Всем знакомым и зевакам...

Жизнь, истлевшую в листках.
Междоматье с мягким знаком.
Ладно скроен, крепко сшит,
Всё к лицу — во что одела...
И до собственной души
Мне уже не будет дела.

Ни черта не суметь.
Превратиться в разменную медь.
Цепенеть и звенеть, слыша аплодисменты аорты.
И себя заставляя — не сдаваться, не думать, не сметь.
И опять ощущать, что внутри ты
безвыходно мёртвый.

Обезличить себя.

Что-то есть.

Что-то делать руками.

Диафрагму поджав, пеленая бессонную боль,
чтоб от этой любви не оставить и камня на камне —
ибо камень на камне — надгробие,
а не любовь.

Не приемля судьбы,
не приняв, чему учат года,
«Отче наш» позабыв,
повторять: «Никогда.
Никогда».

Нас ночами изводит страх.
Мы пред будущим злом бессильны.
Но... послушай, как пахнут — ах... —
Филиппинские апельсины.

Апельсины, апель... Апрель.
Звёзды в сумеречной купели
И полночной капли трель,
Что созвучна тревоге в теле.

«Apple¹ — sin²» — это лунный плод,
Он висит над долиной зябкой,
И синица его клюёт,
Зацепившись за небо лапкой.

Филиппинский... А если нет,
Всё равно — из какого рая.
Видишь, в нём первобытный свет,
Словно лунная кровь, играет.

Пригуби этот дивный сок —
Он таит колдовские чары...
Апельсиново-жгуч песок,
Вздохи моря и плач гитары...

И уже не принадлежим
Мы замкам и заборам этим,
А вприпрыжку бежим, бежим —
К апельсиново-смуглым детям.

¹ Яблоко (англ.)

² Грех (англ.)